

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
ЗОНА**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Экстремальная зона

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Экстремальная зона / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2009 — (Спецназ ВДВ)

Майору ВДВ Андрею Лаврову по прозвищу Батяня поручено сопроводить губернатора края Пересветова в заброшенную воинскую часть. Чиновник якобы намеревается построить там игровую зону, но в действительности подбирает место для могильника незаконно ввезенных в страну ядерных отходов. В это время вертолет, перевозящий контейнер с радиоактивными материалами, терпит крушение. Пытаясь спасти свою репутацию, губернатор добивается, чтобы Батяню отправили на поиски разбившегося вертолета – ведь в нем помимо смертоносного контейнера находится кейс с компроматом... Батяня отправляется в тайгу. В это время давний враг Пересветова банкир Коренев, который и подстроил катастрофу, уже завладел кейсом. Батяне приходится вступить в неравную схватку с головорезами банкира. И тут он догадывается, что его используют в провокационных целях. Что ж, Батяня принимает единственно верное решение – идти своим, боевым путем...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Экстремальная зона

Глава 1

Жемчужина Средиземноморья – Лазурный Берег – традиционно является одним из самых дорогих мест отдыха в Европе. Более трети в цепочке знаменитых курортов, расположенных на средиземноморском побережье Франции – пляжи. Триста солнечных дней в году позволяют французам и гостям страны достойно отдохнуть на курортах Лазурного Берега, в полной мере наслаждаясь солнцем, морем и пляжами.

На побережье Средиземного моря располагается так называемая «дворцовая зона»: шикарные поместья-дворцы, охрана, видеомониторинг, теннисные корты, вертолетные площадки... Среди владельцев здешней недвижимости – спортивные звезды уровня Бекхема, известные поп-исполнители уровня Мадонны и, естественно, недавние «новоселы». Граждане России стали приобретать недвижимость здесь всего каких-то лет десять назад, но уже прочно обосновались на этих берегах.

Одно из небедных поместий принадлежало Дмитрию Степановичу Пересветову – губернатору обширного края в далекой Сибири. Сюда он прибыл, чтобы укрепить расшатанное тяжелой работой здоровье.

И внешний вид, и интерьеры виллы демонстрировали вкусы приглашенных дизайнеров и возможности господина Пересветова по полной программе.

Белоснежную виллу, за которую, по слухам, была отвалена огромная сумма, окружали живописные сады, в каждом из которых было по несколько сотен деревьев. За кипарисами, оливковыми, апельсиновыми и лимонными деревьями ухаживали десять садовников.

Роскошь била в глаза. Огромные серебряные подсвечники, стоявшие на затейливых каминных полках, антикварные дверные ручки, шикарные люстры, драгоценные породы дерева... Позолоченные предметы домашнего обихода, портьеры и занавеси из редких восточных тканей, где настоящие негранные самоцветы использовались в качестве вставок. В коллекции Дмитрия Степановича были картины, иметь которые почел бы за честь любой музей. А работы Фаберже!.. Богатые узоры, ткацкие изделия и ковры в стиле а-ля рюсс соседствовали здесь с французской классикой – креслами эпохи Людовика XIV и пышными барочными часами.

В последние годы в Европе, и в частности здесь, на юге Франции, многое изменилось. Ради новых русских, массово приезжающих на Лазурный Берег, французы, всю жизнь кичившиеся своим языком и притворяющиеся «не понимающими» английский, теперь старательно овладевали «великим и могучим». Местные кухарки забрасывали рецепты всяких там «трюфелей по-бургундски» и учились шинковать свеклу для борща и крутить котлеты по-киевски. Было неважно, что новые владельцы поместий приезжали на свои виллы два-три раза за лето. Они оставляли там столько денег, что ими, как писали местные газеты, «можно обклеить всю Ниццу в три-четыре слоя».

Дмитрий Степанович Пересветов выглядел вполне типично для человека в таком ранге и возрасте – пожилой лысеющий мужчина с солидным животиком, физиономией «крепкого хозяйственника». Зеленоватый цвет его лица позволял предположить, что губернатор питается от одной корневой системы со станком для печатания долларов. Впрочем, большинство его избирателей об этом, естественно, не догадывались.

Губернатор вышел к бассейну и уселся в тени, создаваемой легкой крышей беседки. Устроившись перед низеньким столиком, он потер руки и, взяв бутылку виски, с хрустом скру-

тил крышку. Налив граммов сто, он выпил и принялся закусывать, тыкая вилкой по тарелкам, где была разложена разнообразная еда. Выбор здесь имелся весьма неплохой. Смачно чавкая, Пересветов напевал что-то под нос, периодически наклоняя горлышко бутылки в четырехугольный бокал. Выпивка и закуска быстро привели его в хорошее настроение. Затем губернатор привстал и до хруста в костях потянулся. Неожиданно быстро для своей не худой комплекции он сбросил с себя одежду и оказался в плавках.

– Даешь! – расхохотавшись, выкрикнул он и с размаху плюхнулся в бассейн, подняв фонтаны брызг. – Эх, хорошо-то как!

Его рычание и взвизги разлетались далеко за пределами бассейна. Пересветов отдыхал. А поскольку от природы Дмитрий Степанович был человеком открытым, то и здесь он проявлял свой живой и неумный характер. Тут же неслышными шагами подошел безмолвный лакей с каменным выражением лица. Действуя быстро и умело, он поставил на небольшом подносе на бортик выпивку и закуску и так же неслышно удалился. Губернатор плескался с удовольствием, издавая немалый шум. Периодически он приближался к бортику, уменьшая содержимое бутылки.

Здесь же, на открытой площадке, возвышался огромный жидкокристаллический телевизор. Губернатор всмотрелся. На экране, в новостной передаче, в это время можно было видеть сюжет о демонстрации «зеленых» в Великобритании. Дело заключалось в следующем: в железнодорожном вагоне с одной АЭС вывозилось отработанное ядерное топливо. «Зеленые», действуя своим классическим методом, перекрыли железнодорожные пути.

– Чем вы мотивируете свои действия? – поинтересовался журналист у одного из ревнителей природы.

– Как это чем? – возмутился тот. – Такой способ транспортировки крайне опасен. Если правительству все равно, то нам – нет!

Он состроил выражение лица, свидетельствующее по меньшей мере о том, что правительство – это сборище коррумпированных политиков, не имеющих ничего общего с интересами страны.

– Мы выступаем от имени патриотов нашей страны!

Журналист с микрофоном в руках отошел от толпы скандирующих и продолжил:

– Хочу напомнить телезрителям, что подобный пикет был три года тому назад. Тогда «зеленые» победили.

В этот момент на площадке появились двое. Первым шел мужчина с явно военной выправкой – Никита Любинский, выполнявший при губернаторе функции секретаря-порученца. За ним, покачивая бедрами, грациозно двигалась молоденькая и весьма миловидная брюнетка с физиономией типичной стервы – Жанна Разумова, очередная пассия Пересветова.

Губернатор вынырнул и, загребая воду размашистыми движениями рук, доплыл до бортика, громко зафыркал. Налив себе виски, он опрокинул рюмку. Потом, смачно крикнув, поддел серебряной ложечкой черной икры и, пережевывая, устался в телевизор.

– Да что эти лохи на Западе, совсем охренели? – пробормотал он. – Нам бы их заботы! Отходы негде хранить. Что, земли мало?..

Непонимание губернатором вопроса было вполне объяснимо. Федеральное образование, главой которого был Дмитрий Степанович, по своим размерам равнялось примерно четырем Франциям, не говоря уже о более скромных масштабах других европейских государств. Правда, в отличие от Франции, территория края на девяносто процентов являлась совершенно необжитой и неосвоенной.

Со времен первооткрывателей Ермака и Дежнева здесь изменилось не так уж много. Где-то возникали огромные города, менялись целые ландшафты, а на большей территории здешнего края жизнь текла так, словно в мире ничего не случилось.

Пролетая на вертолете над огромными, дикими территориями, Дмитрий Степанович иногда от впечатлений кричал: ведь какая земля волею судьбы попала ему в подчинение! И ведь надо день и ночь ломать голову, как улучшить жизнь народа. Ну и, конечно, о себе забывать никак нельзя. А то ведь власть – вещь ненадежная. Сегодня ты стоишь у руля, а что будет завтра? Так что позаботиться о себе надо именно сегодня. Так сказать, здесь и сейчас...

Огромные земли в основном были покрыты не сельскохозяйственными угодьями. Тундра, лесотундра и тайга, малые и большие реки, полезные ископаемые – вот главные богатства края. И надо сказать, немалые.

– Существует целый рынок по утилизации отработанного ядерного топлива, – задумчиво проронил секретарь.

– И что? – в упор уставился на него губернатор.

– А то, что стоит это удовольствие дорого. Ну, очень дорого, Дмитрий Степанович! – понизил голос Любинский.

Дмитрий Степанович замер, наморщив лоб и прикидывая. Утилизация «урановых хвостов» обходится стране-экспортеру в 800 – 900 долларов за килограмм, с условием что экспортер потом доплачивает каждый год по 100 – 150 долларов на содержание «ядерного могильника». Или – платится сразу около 2000 долларов за килограмм, но тогда страна, куда отходы ввозятся, берет на себя обязательство содержать атомный могильник самостоятельно.

Под отработанным ядерным топливом обычно подразумевается обедненный гексафторид урана – побочный продукт обогащения урана, возникающий при производстве топлива для атомных электростанций. В РФ эти, как говорят атомщики, «урановые хвосты» обычно захоранивают в разных местах Сибири, где контейнеры просто опускаются в глубокие штольни и заливаются бетоном.

Губернатор обалдел от представившихся ему перспектив. Да ведь на «его» земле можно было бы... Тем более что есть куда спрятать – несколько заброшенных баз ракетных войск стратегического назначения, расположенных в тайге, забетонировать в штольни – и забыть. Ведь вокруг на сотни километров – ни души, никто никогда не узнает. А в случае повышенного радиоактивного фона всегда можно списать на характер заброшенных баз – да тут СС-20 стояли, все естественно.

К тому же Пересветов имел немало полезных знакомств в самых разных сферах. Со своими связями и знанием лазеек вполне можно было решиться на несанкционированный ввоз.

– Что думаешь, Никита, по этому поводу? – облизал пересохшие губы губернатор.

– А у нас сосед слева – англичанин, как раз один из хозяев фирмы по утилизации отработанного ядерного топлива, – быстро, словно ожидая вопроса, проговорил секретарь.

По тону Любинского было ясно, что он уже предварительно переговорил с соседом-британцем и лишь теперь посчитал возможным подкинуть идейку губернатору.

– Давай дальше, – очередная порция виски подкрепила несколько ошалевшего губернатора.

– Правда, есть сложности... – многозначительно протянул Любинский. – Абсолютно все грузы, которые ввозятся в РФ, проходят так называемый радиологический контроль.

– Пункты такого контроля есть на всех без исключения вокзалах, товарных станциях, на пристанях, в аэропортах международного сообщения.

– Вот именно. Осуществляется контроль параллельно двумя структурами: Росатомом и ФСБ. Но, как говорится, есть варианты...

– Мол, зачем, губернатор, тебе это нужно, ты же на покой через год, к тому же столько бабла в дело вложено! – подала голос молчавшая доселе Разумова.

По поводу «дела» тема была действительно важной. И вот почему: по новому федеральному закону в РФ вскоре должны появиться своеобразные игровые зоны по типу Лас-Вегаса. Забайкалье, Сочи, Алтай... Дмитрий Степанович не терял даром драгоценное время и вло-

жился в будущее строительство на своей земле. Так что, по скромному замыслу, уйдя на покой, можно было бы в случае удачного исхода дела преспокойно сидеть здесь, на Лазурном Берегу, и стричь купоны. По поводу удачного исхода дела он не сомневался.

– Ну, ты и ду-ура! – протянул губернатор. Он в сердцах с громким стуком отставил от себя бокал и покачал мокрой головой. – Это же такие оборотные средства! Так я только несколькими отелями с казино буду владеть, а так смогу столько бабла инвестировать... А уж как я это бабло по документам проведу – не твоя забота... И вообще, перестань считать мои деньги, идиотка!

Дмитрий Степанович поджал губы и пренебрежительно хмыкнул. Эта девка начинала ему надоедать. Ну уж чего-чего, а этого добра, да с его капиталами, он себе всегда найдет.

– Кстати, будут деньги – мы того очкастого мудака вообще уделаем! – вставил секретарь.

Кроме очевидных плюсов, связанных с должностью губернатора, у господина Пересветова имелись и некоторые трудности. У Дмитрия Степановича была административная власть на вверенной ему земле, что, конечно же, приносило немало плюсов. Но финансовая власть здесь принадлежала одной, ну очень влиятельной, банковской группе, с которой губернатор был не в ладах. Возглавлял эту финансовую группу некто Владимир Коренев, тот самый «очкастый мудака».

Главой группы господин Пересветов интересовался очень живо и успел накопать по этому поводу немало материала. Все это было весьма интересно, но, к огромному сожалению, не давало никакой реальной пользы в противоборстве двух сторон.

Коренев считал, что губернатор слишком много на себя берет и ограничивает его права инвестиций. Налицо имелось столкновение двух хозяйствующих субъектов.

Коренев также просчитывал всевозможные варианты устранения Пересветова с его поста. Ему-то прекрасно было понятно, что если губернатора удастся сплавить, причем лучше всего – со скандалом, то с его преемником он наверняка сумеет договориться. Ко всем «деловым» разногласиям, оба испытывали друг к другу просто патологическую обоюдную неприязнь. Дмитрию Степановичу было порой до слез обидно, что он всю жизнь карабкался из грязи в князи. Потом и кровью зарабатывал себе на хлеб и повышение в должности. Когда было надо – смеялся и плакал, льстил, прогибался, в общем, делал все, что требовалось, чтобы подняться еще на одну ступеньку карьерной лестницы. Таким образом, в соответствии со всеми неписаными законами, он поднялся на свой сегодняшний уровень.

А этот банкир – он что, жизнь видел? Как бы не так! Сопляк, которому все в руки само давалось!

Короче говоря – разные поколения. Ну да что говорить, если такая возможность утопить банкира сама идет в руки.

– И не говори! – улыбнулся губернатор. – Сделаем мы его. Обязательно сделаем!

Дмитрий Степанович хлопнул в мокрые ладони, подняв небольшие брызги, и потянулся к заветной бутылочке. Четырехугольный бокал в очередной раз принял живительную влагу, которая была незамедлительно поглощена господином Пересветовым.

– Эх, хорошо! – воскликнул глава края, плескаясь у бортика. – Иногда ведь надо и отдохнуть, иначе и сгореть на работе недолго.

Жанна щелкнула зажигалкой и, манерно держа в руке сигарету, придала томное выражение густо украшенному косметикой лицу. Жаркое солнце щедро дарило тепло благодатной средиземноморской земле.

Глава 2

– Дмитрий Степанович, к нам гости! – В открывшуюся дверь заглянула широко улыбающаяся физиономия секретаря.

– Проси, – лаконично сказал Пересветов, поправляя ворот сорочки.

Вечернее солнце уже не било в упор лучами, а медленно, но верно опускалось за горизонт. Губернатор находился в каюте своей роскошной яхты, где у него как раз сейчас была запланирована встреча с «соседом слева» – британцем Джеймсом Дингли.

Господин Пересветов вообще равнодушно относился к красивым вещам. Еще с детства он как-то особенно болезненно воспринимал тот факт, что у некоторых его сверстников имелось то, чего он, вернее, его небогатые родители не могли себе позволить. Новые вещи, красивые игрушки, красивые письменные принадлежности у сверстников – все это заставляло его неровно дышать. Впоследствии Дмитрий Степанович, достигнув солидных должностей, отрывался как мог. Будучи в состоянии позволить себе многое, а теперь и очень многое, Пересветов даром времени не терял. Среди всего прочего, пару лет тому назад в его единоличном владении появилась такая вот чудо-яхта. На ней губернатор проводил немало времени. На яхте он и решил принять столь важного гостя.

«Пусть не думает, что мы здесь в гостях, как бедные родственники!» – подумал Дмитрий Степанович, когда получил информацию о том, что господин Дингли изъявил желание встретиться для обсуждения кое-каких вопросов.

Все необходимое для того, чтобы достойно встретить гостя, конечно же, у него имелось. Шикарная яхта, где каждая деталь смотрелась впечатляюще, отличный стол с прекрасной закуской и выпивкой, ну, и, конечно же, сам Дмитрий Степанович, чувствовавший себя за границей как дома.

Дверь из дорогих пород дерева еще раз приоткрылась, на этот раз пошире, пропуская гостя в каюту.

Британский гость – высокий, лет сорока, мужчина с белесым лицом и рыжими волосами, чуть пригнувшись, шагнул в помещение. Он быстрым, но внимательным взглядом окинул каюту. А здесь, впрочем, как и на всем судне, было на что посмотреть. Дмитрий Степанович всегда, в меру своих скромных сил и возможностей, старался, чтобы все было на уровне.

– Господин Дингли! – расплылся в широкой улыбке Пересветов. – Рад вас видеть на моем скромном суденышке. А то вот ведь как получается: и соседи мы, и живем рядом, а вот познакомиться, не то чтобы встретиться да посидеть за чашкой чая, все недосуг.

Он понизил голос и моргнул Любинскому:

– Давай, Никита, переводи.

Пересветов в иностранных языках был, мягко говоря, не силен. Нет, пару раз под воздействием разных обстоятельств он пытался изучать английский. Средства для того, чтобы пригласить хороших преподавателей, у него, конечно, имелись, но ничего путного из этой затеи не вышло. Разумом губернатора господь, понятно, не обделил, но вот языки ему даваться никак не хотели. Впрочем, и без них можно обойтись, лишь бы ты что-то собой представлял. Так что функции переводчика исполнял все тот же Никита. Он мужик головастый, вот пускай зарплату и отработывает.

– Не надо, – на тонких губах англичанина возникла скупая улыбка, – я в состоянии обойтись без помощи вашего секретаря.

– Тем лучше, – удивленно покачал головой губернатор.

Дингли прекрасно говорил по-русски. Нет, акцент, безусловно, чувствовался, но в целом гость владел «великим и могучим» отлично.

– Да, господин Пересветов, скромной вашу великолепную яхту никак нельзя назвать, – осмотревшись, отпустил комплимент британец.

– Вы правда так считаете?

– Ну, я кое-что в яхтах смыслю, – кивнул Дингли, – так что как знаток восхищен.

– Благодарю вас, – довольно осклабился Пересветов, – слова профессионала всегда приятно слышать. Присаживайтесь, прошу вас.

Указав на мягкий диван, он уселся в кресло напротив.

* * *

– ...В качестве, так сказать, пробного шара я предложу пока ограничиться двадцатью тоннами, – пожевал губами англичанин, – если дела пойдут хорошо, то мы вполне можем продолжить наше сотрудничество.

– А чего ж им не пойти-то? – хохотнул губернатор. – Если обе стороны будут удовлетворены, то и сотрудничать приятно. Как деловой человек, я всегда так поступаю. Да и вообще, это, по-моему, один из основных законов бизнеса. Обоюдная выгода – вещь незаменимая!

Собеседник согласился с заключением россиянина. Далее беседа подошла к самой «животрепещущей» части. Ее Пересветов ожидал с нетерпением.

– Теперь поговорим о расценках, – взгляд Дингли стал острым и колючим.

– Да уж, хотелось бы расставить точки, – энергично кивнул Дмитрий Степанович.

Толстые пальцы губернатора выбивали на подлокотнике кресла мелкую дробь, выражая настроение хозяина. От Дингли не ускользнула и эта мелочь. Как человек до крайности наблюдательный и мелочный, он привык подмечать то, на что большинство людей не обращает внимание. Это, кстати, всегда служило ему хорошую службу.

– Исходя из того что ввоз отработанного ядерного топлива не санкционирован, я вправе предложить менее двух тысяч долларов за килограмм утилизации...

– А откуда такая сумма? – не сдержавшись, перебил его Пересветов.

– Типовые расценки легального рынка, – пожал плечами англичанин, – стандартная цифра.

Губернатор повернулся вполборота к секретарю. Никита, согласно своей должности и положению, всегда был в курсе всяких «технических подробностей». Естественно, Пересветов по своей занятости государственного мужа таких деталей не знал.

– Да-да, – вполголоса проговорил Любинский, – это правда.

Дингли с полуулыбкой следил за переглядыванием собеседников.

– Так вот, я предлагаю по тысяче долларов за килограмм, – размеренно произнес англичанин.

Глаза Пересветова, прищурившись, превратились в маленькие щелочки. Нет, калькулятор ему совсем не был нужен – что-то, а уж считать денежки Дмитрий Степанович умел великолепно. В его голове мгновенно произошел подсчет.

«Так, говоришь, тысяча баксов. Это что же выходит? – сам себе задавал вопросы глава края. – Помножим на двадцать тысяч килограммов этого дерьма...»

От суммы, выходящей в результате несложного арифметического действия, губернатора даже слегка качнуло. Нет, спиртное здесь ни при чем – он и выпил-то сегодня самую малость. Дмитрий Степанович облизнул вдруг пересохшие губы и покосился на бутылку минеральной воды. Налив в стакан жидкость, он жадно выпил ее. Англичанин бесстрастно следил за всеми манипуляциями собеседника, являя собой идеальную иллюстрацию британской невозмутимости.

Да, информация впечатляла. Ведь этой суммы на казино хватит. А если учесть, что это будет пробная партия, а потом последуют еще несколько...

Пересветов всегда был твердо уверен в том, что у каждого умного человека в жизни появляется тот самый шанс, «случай». Весь фокус только в том, что его надо использовать. Упустил, прохлопал – и все. Губернатор себя никогда лохом не считал. Свое он привык у жизни выгрызать зубами. Это знали его друзья и противники.

Ну что же, все складывалось очень даже неплохо. Дмитрий Степанович воспрянул духом. Губернаторство – оно, вещь, конечно же, хорошая, но вечно продолжаться не может. За это время нужно успеть подготовить себе почву для мягкой посадки. А то что же – стараешься, из кожи вон лезешь, отдаешь себя без остатка, а уйди на пенсию – придется ведь оставить многие привычки, склонности и удовольствия. К хорошему, как известно, привыкаешь быстро, а расставаться приходится с болью. А Дмитрий Степанович очень не хотел, достигнув известного уровня, падать куда-то там вниз. Конечно, кое-какие сбережения у него имелись, но...

– Так что скажете, господин Пересветов? – вырвал губернатора из затянувшихся раздумий гость.

– Да-да, прошу прощения. – Дмитрий Степанович вскинул голову и продолжил переговоры.

Далее начались технические тонкости. При всем желании, даже таком горячем, как у господина Пересветова, осуществление задуманного отнюдь не было простым делом. Ввезти ядерные отходы на территорию Российской Федерации просто так, «за здорово живешь» – штука нереальная. Этот вопрос весьма беспокоил и Пересветова, и его английского товарища. Но Любинский уже знал, как обойти преграды.

Секретарь приосанился. Наступал момент, который должен был продемонстрировать гостю, и в очередной раз – шефу, что он получает зарплату не зря. «Выступление» Любинского оказалось настолько аргументированным и убедительным, что дотошный англичанин после массы вопросов удовлетворенно поднял обе руки:

– О'кей.

– Ну что же, господин... э-э-э... Дингли, я очень доволен нашими переговорами, – ухмыльнулся Пересветов, – думаю, мы, как деловые партнеры, вполне состоялись.

– Я тоже весьма рад, – сдержанно, но с явным удовлетворением кивнул англичанин, – приятно иметь дело с солидным человеком, знающим цену своему слову.

Безусловно, господину Дингли прекрасно были известны и сам Пересветов, и его деятельность на посту главы администрации далекого сибирского края. Как человек деловой, он уже давно навел справки о своем соседе. А полученное вчера приглашение и вовсе заставило его еще внимательнее изучить биографию господина Пересветова.

Дингли был бизнесменом. Его интересовало дело, и здесь он готов был выкладываться до последнего. Выгода выглядела обоюдной, так что британец с радостью ухватился за вариант, сам шедший ему в руки. На этой, даже первой, сделке он зарабатывал огромные деньги. А уж что русские будут делать с отходами – это его мало волновало. Пускай хоть макароны ими посыпают!

– Теперь давайте обсудим детали, которые в любом деле не бывают лишними, – сказал неугомонный британец, – особенно в затеянном нами...

Далее, после некоторого обсуждения, деловая беседа уступила место неофициальной ее части. Любинский пытался разливать напитки, но был отстранен от этой роли хозяином яхты.

– Не знаю, как у вас, а я привык с деловым партнером дружить, – произнес губернатор, – ведь без этого какое доверие? Правильно – никакого. С человеком надо ведь пуд соли съесть, чтобы понять, кто он такой.

Пересветов поднял указательный палец и покачал им.

– У нас с вами, конечно, таких возможностей не имеется, но все остальное я беру на себя. Англичанину пришлось испытать на себе все радушие Пересветова.

– Очень рекомендую, господин Дингли, вот это вино, – с воодушевлением произнес Дмитрий Степанович, взяв в руки увесистую бутылку.

Гость, также любивший вкусно поесть, потер руки от удовольствия – здесь было чем подкрепиться. Хозяин основательно приготовился к встрече столь важного гостя. На столе вышлась батарея бутылок со всевозможными напитками. Остальное пространство заполняли блюда с крупными раками, сочным мясом, черной и красной икрой.

Перекусив, гость и хозяин принялись за принесенных омаров. Блюда с аппетитными ракообразными вызвали желание поскорее взяться за них всерьез.

– Горячего омара я люблю приправлять взбитым маслом, холодного – майонезом, – делился своими гастрономическими пристрастиями хозяин яхты, – люблю их, подцецов!

– Совершенно с вами согласен. – Дингли имел сходное мнение о вкусовых качествах продукта. – Я еще предпочитаю к каждому кусочку мяса немного жира омара. Это придает ему просто восхитительный оттенок.

– Да вы гурман, батенька! – хохотнул Пересветов. – У нас с вами, как я посмотрю, много общего.

– Это удовольствие не является таким уж предосудительным, – тоже взял шутливый тон британец.

Оба принялись медленно и аккуратно, чтобы не забрызгать друг друга, разламывая руками обитателей морских глубин.

– Для улучшения вкуса попробуем вот этот сорт, – поднял Пересветов новую бутылку, – шестьдесят третий год. Недавно я существенно пополнил свой запас вин. Я вообще-то их коллекционирую. В следующий раз, когда будете у меня, я вам продемонстрирую свою коллекцию.

Дингли, соглашаясь, кивнул. Они чокнулись бокалами.

– Недавно я слышал забавную новость касательно этих созданий, – сообщил он.

– И что же она гласила?

– Знаменитая американская рекордсменка по поеданию различных продуктов установила новый рекорд. Соня Томас из американской Александрии по кличке Черная вдова в ходе соревнования по поеданию омаров за двенадцать минут поглотила сорок четыре омара, – сообщил гость.

– Да-а, – протянул Пересветов, вертя в руках двухстороннюю омаровую вилку, – что я могу сказать: кошмар! Одно слово – американцы! Полная бездуховность. Нельзя же, в самом деле, низводить все до сплошного потребительского уровня. Кому как не нам, странам с древней и богатой культурой, понимать это!

– Да, господин Пересветов, – лукаво подмигнул Дингли, – правда, она заработала на этом пятьдесят тысяч долларов. Так что усилия были не совсем уж напрасными если не для здоровья, то уж, во всяком случае, для кошелька.

– А-а... Это несколько меняет дело. Однако мы обойдемся и без такого издевательства над собой, – ухмыльнулся губернатор, – да и заработаем никак уж не меньше.

Как только омары были уничтожены, перед каждым сидевшим за столом возникли полоскательницы для рук.

– А сейчас мы приступим к главному блюду, – провозгласил губернатор, – мой повар, скажу я вам, настоящий волшебник.

– В этом я уже успел убедиться, – кивнул Дингли, предвкушая достойное продолжение вечера.

– Саша! Неси! – крикнул Пересветов, позвонив в серебряный колокольчик, стоявший на столе.

* * *

Банкет закончился. Англичанин отбыл на берег. Оставшись в одиночестве, Пересветов блаженно откинулся на спинку мягкого дивана, чтобы перевести дух. В который раз Дмитрий Степанович подумал, что с корабликом он не прогадал – каждый посетивший его оставался в восторге. И даже этот проходимец Дингли не смог скрыть своего восхищения. Пересветов окинул взглядом каюту. Кожаные и деревянные поверхности смотрелись благородно, как и подбает кораблю, стоившему недешево. От разных дорогих безделушек рябило в глазах. После выпитого и съеденного можно было бы и отдохнуть, однако губернатору не сиделось. Он прошелся по каюте. Ноги утопали по щиколотку в шикарном персидском ковре, делая поступь совсем неслышной. Наконец, решительно тряхнув головой, чиновник подался наверх, на свежий воздух. В последнем, правда, в каюте не было недостатка, но Дмитрию Степановичу захотелось побыть на палубе.

Поднимаясь по лестнице, он качал головой и причмокивал. Мысли толпились в голове, и им было мало места. Оказавшись на палубе, Пересветов расправил плечи. То, что творилось здесь, было под стать его прекрасному настроению. Вдалеке виднелась панорама Лазурного берега. Приморский городок смотрелся отсюда, с яхты, словно какое-то сказочное изваяние. Красивые разноцветные домики, сады, яхты – все это создавало умиротворенное настроение.

Да, здесь – благодать, просто рай земной. И он может наслаждаться этой роскошью, которую, без сомнения, заслужил. Правда, здесь он всего лишь один из многих богачей. А где-то там, далеко, на необъятных просторах Сибири, лежал огромный край, которым управляет он, Пересветов. Эти мысли всегда нравились Дмитрию Степановичу, а сегодня – особенно. Приятно осознавать, что от тебя где-то зависит многое, если не все.

Губернатор стоял, опершись руками на поручни, и жадно втягивал ноздрями соленый свежий морской воздух. При том состоянии, в котором находился господин Пересветов, ему это было крайне необходимо. Мысли будоражили, и перспективы, открывавшиеся перед Дмитрием Степановичем, заставляли учащенно биться сердце.

Все хорошо, а скоро будет еще лучше. То, что имеет Пересветов, то, что у него есть и будет – зависит от него самого. А уж он возможностей не упустит.

Он хмыкнул, вспомнив «зеленых», сидевших на рельсах. Ему были гораздо более приятны другие «зеленые» – те, что заманчиво шелестят в пальцах. Причем не в чужих, а именно в своих. Пересветов всегда считал себя человеком дела, и все, что не относилось к этому, его раздражало. Людей, которые не умеют делать деньги, он считал бездельниками и вообще лишними на земле. В этом мире надо уметь найти свою дорогу и уметь идти по ней к той самой, главной, цели. А все эти рассуждения по поводу того, что мы должны заботиться о природе, на нас лежит ответственность за будущее планеты – это все рассуждения мозгляков, ни на что не способных. Пересветов хотел жить здесь и сейчас.

Вдруг зазвонил телефон. Веселенький марш вырвал владельца трубки из задумчивого состояния, обратив к делам насущным. Пересветов достал из кармана мобильник.

– Да, это я. Здравствуй, дорогая, – одна из многочисленных подруг сердца явно желала увидеться с Дмитрием Степановичем, – ну, конечно, рад, что за вопросы! Ты же знаешь, что я всегда жду твоего звонка... Нет, к сожалению я за границей. Конечно, дела, дела... Их всегда невпроворот. Ничего, рыбка моя, скоро я буду в Москве, и тогда мы, конечно же, встретимся. Помнишь, как нам было хорошо тогда? А я это все время вспоминаю... Нет, не шучу, на полном серьезе. Целую, пока.

Бриз приятно освежал разгоряченные щеки Дмитрия Степановича. Над яхтой кружили чайки. Заходящее солнце медленно опускалось в Средиземное море. Побережье готовилось к вечеру, который обещал быть насыщенным и веселым.

Глава 3

Военный городок, располагавшийся среди бескрайних просторов Сибири, выглядел достаточно стандартно для такого рода заведений. На необъятных российских просторах можно встретить десятки, и даже сотни, подобных ему. Некоторые появились еще на заре советской власти, некоторые – в самый разгар холодной войны, но все они служат единой цели – поддержанию обороноспособности Родины и воспитанию новых бойцов, способных в нужный момент совершить все, что от них требуется в этом нелегком, но столь почетном деле. Разбросанные на обычного размера территории казармы, столовая и прочие помещения были обнесены забором.

Здесь все выглядело как обычно: дочиста выметенные дорожки, аккуратно выкрашенные белой краской бордюры. Вся эта романтика красноречиво говорила о том, как приятно ходить строем среди подобного великолепия. Естественно, в необходимом количестве присутствовали средства наглядной агитации. Наиболее заметными среди них были большие фанерные щиты, на которых красовались brave воины, текст присяги и прочие темы, способствующие поднятию боевого духа. Попасты на территорию можно было, конечно же, через КПП.

Сегодня, правда, наиболее интересное происходило не на территории основной части военного городка, а на аэродроме, расположенном, понятное дело, несколько в стороне.

В этот день на бетонке аэродрома было оживленно. В принципе, напряженный ритм жизни военной части никогда не давал особенно расслабляться как рядовому, так и офицерскому составу. Служба десантника в этом и заключается – неустанно шлифовать мастерство в своей области. Как любил говаривать командир части: «Пять процентов успеха десантника – природные данные, а остальное – работа над собой!» Этому бесспорному утверждению здесь старались следовать. Не потому, что слова начальства, особенно такие, воспринимались как какое-то откровение. Дело не в этом – каждый опытный специалист в десантном деле прекрасно знал все это, причем на своем личном опыте. Каким бы ты ни был спецом, расслабившись, ты начинаешь терять квалификацию, все то, что было наработано за месяцы упорных тренировок. Поэтому всегда нужно держать себя в форме...

Здесь в два ряда выстроились десантники. Глядя на эту красу и гордость российской армии, можно было и впрямь подумать, что эти brave ребята в полном вооружении сейчас отправятся на выполнение сверхсложного боевого задания. Весь вид солдат, стоявших идеально ровным строем, внушал уважение любому стороннему наблюдателю. К счастью или к сожалению, но здесь чужих глаз не было, да и быть не могло. Здесь были все свои.

Построение проходило перед выполнением очередной задачи, на этот раз учебной. Лица солдат были серьезны и внимательны, поскольку перед строем стоял командир. Крепкого вида майор, с мужественным лицом, невысокий, собранный, он проводил инструктаж.

– Значит, так, бойцы, – откашлялся майор, – долго я вас грузить не буду, но перед тем как вы отправитесь наверх, кое-что скажу. Сегодняшняя ваша задача несколько отличается от тех, которые вы выполняли вчера и позавчера.

Сколько раз майору Лаврову приходилось проводить инструктаж подчиненного ему личного состава приходилось только догадываться. Батяню чрезвычайно высоко ценили и его коллеги, и подчиненные. Служить под его началом для каждого десантника считалось за честь, поскольку об этом человеке ходили легенды.

Батяня – он же майор Андрей Лавров, в войсках слыл фигурой приметной. Профессионал высшего класса, он ходил в майорах, когда многие из его товарищей уже давно выбились в полковники, а то и в генералы. Другой бы на его месте по этому поводу переживал, но Лавров к разряду подобных людей не относился. Переживать и расстраиваться он просто не умел. Слабый карьерный рост Лаврова объяснялся его неспособностью угождать и льстить, подда-

кивать и прогибаться. Это знали его успешные товарищи. Лавров всегда считал, что главное в любой ситуации – это остаться человеком. Главное – это с остальными разобраться. Нет, Лавров отнюдь не был ангелом с белыми крыльями, но, что такое честь офицера, ему было хорошо известно.

– Повторяю еще раз. Сегодня у нас с вами прыжки на точность приземления, – майор говорил неторопливо, и каждое слово звучало веско, – многое вы уже умеете, на многое способны, но, как говорится, нет предела совершенству.

Десантники не задавали вопросов. Да и к чему, если Лавров в любом случае не выпустит их за борт, четко не разъяснив ситуацию?

– Как вам, наверное, известно, в любом деле важна точность, в том числе и в нашем. Так что сегодня мы осуществляем прыжки на точность приземления. Тем более что подобная задача – одна из составляющих парашютного спорта.

В заднем ряду кто-то сдержанно хмыкнул.

– Что такое, Федченко? – язвительно поинтересовался Батяня. – Я вижу, что слова «парашютный спорт» вызывают у тебя приступ веселья? Не тушуйся, расскажи нам, что же тут смешного? Давай, я жду. Да и твои товарищи хотели бы услышать.

– Да нет, ничего, товарищ майор, – смутился здоровяк Федченко, – это я так... случайно.

– Случайно? Ну-ну. С тобой мы еще отдельно потренируемся, – пообещал майор подчиненному. – Насколько я понимаю, некоторые скептически настроены по отношению к парашютному спорту. Слышал я уже подобные высказывания. Дескать, ничего стоящего это собой не представляет.

– А разве это не так? – осторожно задал вопрос загорелый до черноты сержант Зимин.

– Не так. Здесь достигается высокое мастерство, направленное как раз на точность, чего не хватает пока многим из вас. Ну, а что вы хотите: если годами совершенствоваться мастерство, то и результаты должны быть соответствующими. В спорте своя специфика, естественно, отличная от нашей, но это нормально. А вот по поводу успехов и достижений – вам стоит учиться и учиться.

Батяня сделал внушительную паузу.

– Теперь еще раз о наших сегодняшних задачах. В поле будет расстелен брезент с концентрическими рисунками, куда парашютисту и следует приземлиться. Чем ближе к центру, тем, соответственно, лучше. Принцип мишени отлично действует и в этом варианте. Собственно говоря, это один из первых видов парашютного спорта, смысл которого заключается в поражении парашютистом наземной цели небольшого размера. Начиналось все в свое время с гораздо более скромных результатов, но со временем и развитием точностных куполов размер «мишени» уменьшился и составляет сейчас всего лишь три сантиметра.

По строю прокатился легкий гул.

– А что вы думали? Это – так называемый желанный «ноль», и все, что за его границей, – уже погрешность, которая может стоить спортсмену потери подиума и звания. На сегодняшний день мировой рекорд составляет девятнадцать приземлений подряд в центр мишени и занесен на счет России, – сообщил Батяня. – Мастерство спортсменов-парашютистов растет стремительно. Еще недавно лишь единицы попадали в самый центр круга – мишень диаметром десять сантиметров. Так, если двадцать лет назад в таблице мировых рекордов можно было встретить строчку «мировой рекорд, приземление двадцать два метра от центра круга», то сейчас один сантиметр от шайбы – уже проигрыш.

По лицу стоявшего ближе всего сержанта Ломакина пробежала тень сомнения, что не ускользнуло от внимания майора. Как человек опытный, в том числе и в работе с личным составом, Батяня всегда считал своим долгом разъяснить каждую мелочь и каждый вопрос, если таковой возникал.

– Предвижу вопрос, – произнес он, глядя на явно сомневавшегося по поводу целесообразности подобных ухищрений Ломакина, – зачем все это современному десантнику и почему в обычных частях подобное не практикуют. Поясняю. В боевых ситуациях действительно бывают случаи, когда необходимо приземлиться буквально «на носовой платок». Да-да, именно так. Если вам до сих пор не приходилось с такими вещами сталкиваться, то это не значит, что вам подобный опыт не пригодится. Когда-то мне приходилось приземляться даже на крышу вагона идущего поезда...

Десантники переглянулись. О подвигах Батяни ходили легенды, и хоть никто ничего конкретно не знал, солдаты верили ему.

– Говорить можно долго, но пора и честь знать. – Батяня завершил свою недолгую лекцию. – В скором времени всем предстоит продемонстрировать степень готовности к труду и обороне. Особенно интересно будет взглянуть на результаты наших скептиков. Здоровый скептицизм – вещь хорошая, но особенно в случае выполнения своих задач. Так что, бойцы, вперед!

Громко ревя мотором, на исходную позицию подкатил «Ан-2» – скромная, но такая заслуженная боевая машина. Сколько ей пришлось послужить армии – тема для отдельного разговора. Техника идет вперед семимильными шагами, а «Ан-2» продолжает оставаться весьма удобным летательным аппаратом для выполнения учебных прыжков.

Развернувшись, самолет встал в паре десятков метров от шеренги десантников, обдав ветром, поднятым воздушным винтом. Сбоку фюзеляжа открылась небольшая, похожая на люк, дверь.

– Равняйся! – скомандовал майор. – Смирно! Нале-во! Шагом марш!

Десантники строевым шагом, колонной, направились к самолету.

Далее произошла не совсем характерная для нашего сверхглобализированного времени сценка. Прежде чем отправиться к поджидавшему его самолету, сержант Ломакин перекрестился. Причем, как сразу определил своим наблюдательным взором Батяня, сделал он это не деланно, а уверенно, как верующий человек, который проделывал это регулярно.

Собственно говоря, не только в этом заключалась оригинальность ситуации. Крестился Ломакин не тремя перстами, а двумя.

Майор хмыкнул, наблюдая этот эпизод. Да, среди его подчиненных десантников это впервые.

– Ломакин! – негромко окликнул Батяня десантника.

Тот как-то неловко дернул головой и повернулся.

– Старообрядец? – задал логичный вопрос майор.

– Да... – замялся сержант, – можно и так сказать. А что?

Видимо, он, сбитый с толку неожиданным вопросом, ожидал услышать что-то еще по этому поводу. Ведь старообрядцы традиционно воспринимаются многими как какая-то загадочная секта, и относятся к ней предвзято.

– Да нет, ничего. Твое право, – улыбнулся Батяня, – иди в самолет.

Естественно, майору было непривычно видеть бойца-старообрядца, тем более в своем подразделении. Однако сейчас не советские времена, когда за обнаруженный натальный крест такого «любителя» могли покарать. Каждый волен выбирать себе любую веру.

Майор проводил взглядом сержанта, отправившегося в самолет. В общем-то, на вид сержант был обычным парнишкой, которому еще предстояло постигать азы жизни. Правда, в отличие от большинства сверстников, у него, похоже, имелись иные, чем у них, убеждения. Как известно, старообрядцы – народ довольно суровый и принципиальный, так что найти среди них того, кто пойдет на все ради денег, не так-то просто. Впрочем, сержант, как видно, еще только вступал в настоящую «взрослую» жизнь.

Гудел мотор самолета, а солдаты отправлялись в чрево огромной машины, для того чтобы вскоре, поднявшись в небо, покинуть ее, продемонстрировав усвоенное и наработанное за мно-

гочасовые тренировки и прыжки. Батяня огляделся. Бетонка быстро пустела. Потенциальные парашютисты были готовы к выполнению задания. Пора и Батяне отправляться вслед за ними. Поправив головной убор, Лавров, замыкая строй, двинулся к самолету.

Через несколько минут самолет начал двигаться по взлетной полосе. Крылатая машина начала разбег. Несмотря на свою внешнюю неповоротливость, самолет легко оторвался от земли и стал подниматься все выше.

Глава 4

Солнечный летний день только начинался. И вдруг в безоблачном голубом небе расцвели, пока еще совсем маленькие, белые купола парашютов. Их было много, и они приближались к земле.

Подразделение майора Лаврова в полном составе выполняло поставленную задачу.

Батяня, привычным жестом оттолкнувшись от борта самолета, прыгнул в открытое пространство. Несмотря на то что он сотни раз проделывал, в общем-то, одну и ту же операцию, каждый раз был особенным. Те, кто никогда не бывал в небе, понять это вряд ли смогут. Конечно же, речь идет не о полетах, когда ты находишься в кресле комфортабельного лайнера и через пару часов тебя ждет африканский или азиатский курорт. Нет, только тот, кто оказывается один на один с небом, когда вокруг тебя – безбрежное пространство, а за спиной шумит ветер, смогут понять, что такое прыжок.

Над головой раздался привычный хлопок, очередного парашютиста слегка качнуло, и вверху раскрылся купол, медленно, но верно понесший своего хозяина вниз.

Хоть Батяня и был парашютистом со стажем, он и в этот раз ощутил непередаваемое ощущение свободы. Над головой бескрайнее небо, а внизу в легкой дымке видна, как на ладони, земля.

Справа четко угадывался какой-то совсем небольшой населенный пункт. Дома, постройки, улочки... Вокруг расстилались геометрические фигуры полей. Квадраты, прямоугольники, полоски. Участки леса смотрелись, словно клумбы с зеленой травой. И среди всего этого натюрморта величаво несла свои воды большая река. Ее широкое русло прихотливо извивалось, делая повороты, изгибы, и уходило куда-то далеко за горизонт.

* * *

Десантирование прошло успешно. Расстеленные брезентовые мишени оказались «поражены».

Закончив с посадкой и упаковыванием парашютов, подразделение выстроилось перед командиром.

– Ну что же, бойцы, справились с заданием неплохо, – сказал Батяня, прохаживаясь вдоль строя. – Если будем продолжать в том же духе, то, думаю, вы не разочаруете командование. Нас ждут теперь усиленные тренировки, и через месяц я планирую значительно повысить ваш уровень в этом направлении. А пока – разойдись!

Десантники, собравшись в кружок, покуривали, делясь впечатлениями.

– Не знаю, – говорил коренастый Демченко, – я бы лучше сделал упор на что-то другое. Кому нужна вся эта точность? Вот спортсмены пускай и соревнуются, им за это деньги платят. А десантнику главное – приземлиться и вступить в бой.

– Вот потому-то у тебя и результат – хуже всех! – подначил его уралец Громушкин.

– Языком молотить у него легко получается. А я так думаю: майор мыслит правильно, – заключил рослый сержант, – из нас делают профессионалов, а значит, и действовать мы должны грамотно при любом раскладе.

Батяня присел под деревом и стал записывать в журнале результаты прыжков. Что ни говори, а приятно, когда твои воспитанники раз за разом демонстрируют, что работа проводится не зря, и результаты говорят сами за себя.

Подняв голову, майор заметил, что по полю, в окружении облака пыли, подпрыгивая на ухабах, катит «уазик» комполка. Видимо, случилось что-то серьезное, иначе вряд ли бы полковник Мозжухин стал появляться здесь и сейчас.

– Смирно! – Десантники вскочили и вытянулись, приветствуя начальство.

– Вольно! – скомандовал полковник.

Солдаты вновь занялись своими делами, а Мозжухин с Батяней присели на бревне под деревом.

Огромный старый дуб широко раскинул ветви и огромной кроной закрывал офицеров от палящего солнца.

– Однако и жара сегодня, не приведи господи, – вздохнул полковник, вытирая носовым платком градом лившийся с него пот, – не иначе к дождю дело идет.

– Да уж, – протянул Лавров, думая о том, что Мозжухин приехал явно не за тем, чтобы рассуждать о явлениях природы.

Майор прекрасно понимал своего комполка. За несколько лет совместной службы они успели съесть тот самый пуд соли и знали друг друга как облупленных. Уж если Мозжухин прикатил сюда, то разговор пойдет о чем-то серьезном.

– Что у нас с результатами прыжков?

– Да вот, товарищ подполковник, взгляните сами. – Лавров протянул комполка журнал.

Расчерченная на колонки страница прекрасно иллюстрировала сегодняшние занятия. Мозжухин пробежался глазами по документу, но похоже было, что сейчас он его не интересовал. Лавров, не задавая лишних вопросов, ожидал продолжения разговора. И оно не замедлило последовать.

– Послушай, майор, у нас тут проблема, – вздохнул Мозжухин, – губернатор со свитой пожаловал. Поохотиться желает. Короче говоря, нужна твоя помощь. Ты же сам понимаешь, дружбой с такими людьми не разбрасываются. Губернатор, он и есть губернатор. Если Пересветову прием понравится, то, глядишь, и нас не обделит – может, чего для части подбросит.

– Чего подбросит? – спросил Лавров. Несколько сбитый с толку, он непонимающе глядел на полковника.

– А что, нам ничего не нужно? – повысил голос собеседник. – Ну, стройматериалов, технику какую. Это вот соседям повезло – они теперь как сыр в масле катаются. А как нам свои проблемы решать? Ты мне не подскажешь? Вот то-то и оно. Я вот, к примеру, сидел вчера в кабинете, так у меня голова пухла: как обеспечить часть хотя бы самым необходимым? Столовую новую строить – надо. Ангары ремонтировать. О технике я и не говорю. Да что тут рассуждать, ты и сам без меня все прекрасно знаешь!

Батяне, конечно, прекрасно было известно то, что часть находится далеко не в идеальных условиях, но слова полковника звучали от этого не менее странно.

– Я все понимаю, товарищ полковник, – пожал он плечами, – и проблемы части меня тоже волнуют, но чем могу помочь я в этой ситуации? Я боевой офицер, а такими вещами пускай ХОЗУ и занимается. У каждого своя специфика. Мне – боевые задания выполнять, да и учебные, а ублажать губернаторов...

Комполка шумно вздохнул и в очередной раз извлек из кармана носовой платок. Было видно, что и ему этот разговор не приносил особого удовольствия, но...

– Я тоже, между прочим, Лавров, боевой офицер, – уже более жестко заявил Мозжухин, – но занимаюсь многими делами и не разделяю их на мои и не мои. Если каждый из нас начнет рассуждать о том, что ему близко, к чему у него лежит душа и как это совпадает с его личными убеждениями, знаешь, к чему мы скатимся? Раз хочешь иначе – будет тебе иначе. Что такое приказ, тебе, надеюсь, известно?

– Так точно, – официально произнес Лавров.

– Ну, то-то. Ты же у нас спец по выживанию в любых условиях, – продолжил «обработку» комполка, – и в охоте разбираешься, и в рыбалке. Свози их, покажи, что и как... С местной властью надо дружить. Ты пойми: если бы я себя вел по принципу «нравится – не нравится», то уже давно не только частью бы не командовал, а и вообще в армии не задержался бы.

– Так что – это приказ? – не сдавался Батяня.

– Да! Это приказ. Так что будь добр его выполнять.

– Есть выполнять! – с некоторой долей сарказма ответил майор.

Никакого желания возиться с губернатором у него не было, но служба есть служба. Тут уж выбирать не приходится. К сожалению или к счастью, но армия требует ответственности более жесткой, нежели на гражданке. Так что майор прекрасно понимал, что от него сейчас уже ничего не зависит.

– Ты чего? – покосился на него Мозжухин, когда Батяня громко хмыкнул.

– Да так, вспомнилось, – пожал тот плечами.

Случай, который вдруг вспомнил майор, происходил с его коллегой еще в советские времена. Часть того капитана-танкиста располагалась рядом с заказником, куда полюбило ездить партийное начальство для охоты, разврата и пьянки. Командир части приказал ему, как единственному местному из числа офицеров, сопровождать партийцев. Короче говоря, вместо того, чтобы повышать боевую и политическую подготовку личного состава, капитан был вынужден возить всю эту компанию по заказнику и помогать в браконьерстве и пьянстве. Через неделю за взятку капитан сделал себе бюллетень – здоровья для такого продолжительного «отдыха» не хватило даже у него.

– Нет, ну о чем ты говоришь, – заулыбался комполка, – я же тебе совсем о другом говорю. Как ты мог подумать, что я тебя на подобное толкаю?

– Я этого не говорил...

– Слушай, а ты в курсе, что заброшенные базы РВСН на нашем балансе? – видя, что основная задача достигнута, деликатно поинтересовался Мозжухин.

Вопрос этот, как видно, весьма волновал комполка, о чем свидетельствовали его какие-то дерганные, нервные движения.

– Законсервированные, – поправил командира Батяня, используя официальную формулировку, – да, в курсе. А что, товарищ полковник?

Ничего удивительного в том, что заброшенные нежилые базы РВСН находились на балансе части ВДВ, не было. Иногда встречаются казусы, один забавнее другого. Лавров припомнил, что в одной из морских частей на Севере, где ему не так давно довелось побывать, участок кладбища списанных ядерных субмарин находится на балансе не ВМФ, как должно было бы быть по логике вещей, а связистов.

– А про игровую зону... – сделав паузу, чуть помедлил Мозжухин, – ты в курсе?

– Есть федеральный закон, – уклончиво ответил Батяня, всем видом давая понять, что обсуждение таких законов не в его компетенции, – там все прописано.

Лезть не в свою епархию у майора не было никакого желания. Закон, конечно, – вещь хорошая, но вот только, как известно, не для всех он писан.

Комполка придвинулся ближе и понизил голос, словно опасаясь, что сказанное им может быть кем-то услышано.

– Тут дело такое. Короче, губернатор хочет эти заброшенные базы осмотреть. Возможно, они будут как-то задействованы в этом «Лас-Вегасе», – сообщил Мозжухин кое-что из намерений гостя, – я связался со штабом округа – там дали «добро». Не знаю, какие у них договоренности, да, признаться, и знать-то никакого желания нет.

– Меньше знаешь – дольше живешь.

– Вот именно, – кивнул Мозжухин, не замечая иронии, – может, себе заберут: нам меньше головной боли... Так что покажи все, что он захочет.

– Понятно... – протянул Батяня, раздумывая над сказанным полковником.

Заброшенные базы ракетных войск стратегического назначения – не в компетенции местной власти, это объекты Министерства обороны, то есть федерального значения. Губернатор может и не знать, где они расположены, разве что весьма приблизительно. Ситуация, и без того казавшаяся малоприятной, становилась еще более унылой. Но деваться было некуда, приходилось выполнять.

– Вопросы есть? – Комполка взглянул на часы и принял озабоченный вид.

– Да пока что нет, товарищ полковник, – развел руками Батяня, – буду разбираться с тем, что намечено.

– Ну, вот и отлично, – с облегчением произнес полковник, решив самую главную проблему.

Передав решение задачи в руки Лаврова, он уже не сомневался, что тот выполнит ее, как всегда, на должном уровне. Майор был известен не только своими подвигами, но и слыл человеком, относящимся к делу ответственно.

– Слушай, может тебя подвезти? – проявил отеческую заботу комполка. – Я же в часть возвращаюсь. Чего тебе с ними трястись? Давай, садись ко мне в «уазик».

– Да нет, спасибо. Я уж со своими доберусь, – кивнул Лавров на свое подразделение, усаживавшееся в грузовики. – Командир должен быть вместе с подчиненными.

– Ну, как знаешь. Детали обговорим завтра. – Комполка поднялся и направился к машине.

– Так, Семенов, ты что – спать здесь вздумал? – послышался издалека его бас. – Не высыпаясь, солдат?

Батяня усмехнулся, слыша, как задремавший было Семенов что-то бормочет в ответ, оправдываясь по поводу своего сна. Однако пора было ехать и ему. Майор поправил ремень и двинулся к грузовикам.

Глава 5

Северный сибирский город-порт являлся самым большим и мощным на всей великой сибирской реке. Это сразу было видно по стоявшим у причалов порта внушительным морским судам, многие из которых были высотой с семизэтажный дом. Река здесь уже очень широка, так что настоящая морская качка испытывается в полной мере, даже когда судно стоит.

В порт вошел небольшой контейнеровоз под флагом далекой африканской Либерии. В таможенной декларации все выглядело по-честному: на борту имелся контейнер с отработанным ядерным топливом. Тщательно закрепленный большой цилиндрический контейнер состоял из нескольких частей, или «упаковок»: вначале шел камнелитой короб, затем – защитный слой из высокопрочного железобетона. Его сменяла внутренняя свинцовая оболочка. Крышка состояла из тех же материалов, что и контейнер. На поверхности красовались всем знакомые эмблемы «радиации».

Под полом тихо работали дизели, и судно неторопливо продвигалось вдоль причалов, минуя сухогрузы, стоявшие на якорях, большие морские суда, ожидающие разгрузки. Справа под погрузкой находились так называемые «морковки» – морские транспорты ледового класса; на рейде виднелось много барж. Повсюду сновали юркие портовые катера, навстречу то и дело шли буксиры – словом, царил обычная портовая суэта.

В весеннее половодье здесь в реке вода поднимается на два десятка метров. Из-за этого причалы массивны и имеют необычную форму. Здесь все было устроено, чтобы противостоять напору льда и пропустить его поверх причалов. Оборудование с нижних причалов на весну снимается и перегоняется наверх, а на крановых рельсах намораживаются ледяные бугры, чтобы их не оторвало льдинами.

Все это наблюдал стоявший на борту гражданин Великобритании Джеймс Дингли. Во всем его бесстрастном облике не отражалось никаких эмоций. Держась одной рукой за поручень, он покурил сигару и поглядывал вокруг. Глядя на его лицо, выражавшее пренебрежение и презрительность, становилось понятно, почему поработанные Британской империей народы так люто ненавидели англичан. Вскоре судно пришвартовалось, и британец отправился оформлять груз.

Толстый таможенник, усадив визитера напротив, стал читать поданные ему документы. Из сопроводительных бумаг было очевидно, что контейнер с отработанным ядерным топливом идет транзитом в Китай.

– Так... а разрешение из Росатома? – разглядывая бумаги, спросил чиновник.

– Здесь же, – привстал Дингли.

– А-а-а, вижу, – кивнул тот.

Впрочем, британец не волновался, зная, что документы у него в полном порядке и суется тут не стоит. Он отвел взгляд, соорудив скучающее выражение лица.

– Интересуетесь? – кивнул работник таможни на флаг, установленный в углу.

Дингли совершенно не интересовала эта деталь, но разговорчивый собеседник расценил взгляд британца несколько иначе.

– Каждый символ – это ведь код города, – пояснил он, – вот возьмите хотя бы нас. Взгляните на флаг: синий и серебряный цвета отражают полярный день и полярную ночь. Это ведь не то, что у вас в Англии день и ночь. Вы поживите у нас, тогда и поймете, что это такое.

– Спасибо, – сдержанно ответил Дингли. Жить здесь ему не хотелось нисколько. Он вообще с трудом мог представить себе постоянное проживание в подобном климате, разительно отличавшемся от любимого средиземноморского.

– Олень, которого вы видите, – царь природы здешних мест, символ основного занятия северянина, главный источник его благополучия, – продолжал словоохотливый чиновник, –

старинное морское парусное судно коч символизирует, что наш город является одним из важнейших портов Северного морского пути. Ну, а синий цвет дополняет водно-портовую символику...

– Да, это очень интересно, – кивнул англичанин.

Он с удовольствием послал бы этого хомяка подальше, но приходилось играть роль.

– Город расположен в устье реки, изображенной в виде геральдической фигуры – поясом переменных цветов, что показывает два периода жизни реки. Синий – летняя вода, белый – зимний снег и лед, – сел на любимого конька чиновник. – Вот вы, к примеру, знаете, что такое цвета в геральдике?

– Догадываюсь, – тихо зверея, поиграл желваками британец.

Если бы он мог, то с огромным удовольствием высказал бы этому толстяку все, что о нем думает. А злости, несмотря на короткое знакомство, у британца накопилось предостаточно. Но гость из Туманного Альбиона сдерживался.

– Синий цвет в геральдике – это символ чести, славы, красоты, добродетели и чистого неба. Ну, а белая часть поля флага говорит о бескрайних северных просторах.

Таможенник гордо, словно он сам придумал все это, взглянул на гостя.

Дингли делал вид, будто заинтересован. К счастью, собеседник прекратил свою идиотскую лекцию. Бумага, конечно же, была проверена самым тщательным образом и, естественно, оказалась подлинной. Далее пошли еще более рутинные мероприятия. При проведении практической проверки выяснилось, что вес и объем груза соответствуют задекларированному.

В очередной раз англичанин убеждался, глядя на то, как проходит вся «операция», что коррупция – великая вещь. Законы, конечно, пишутся и существуют, но на то они и законы, чтобы их обходить. В этом богатый опыт Дингли убедил его уже давным-давно. Если есть поддержка наверху, то любое дело можно повернуть так, что и комар носа не подточит. Ему приходилось проворачивать свои дела в самых разных частях земного шара, но Дингли убедился в одном: люди везде одинаковы. Будь то Мексика, Россия или Япония – люди везде любят хруст банкнот и для того, чтобы сорвать куш, готовы пойти на что угодно.

«Китайский вариант» этого дельца вообще выглядел идеальным – ведь эта страна, наряду со своей соседкой, Монголией, рассматривает возможность ввоза отработанного ядерного топлива с последующим захоронением. А отсюда как раз прямой путь именно туда – в Китай. Везти «хвосты» только морем – дело опасное. К тому же, согласно документам, контейнер предполагалось захоронить в относительно безлюдном районе КНР – Внешней Монголии, региону, географически близкому к России.

Способ транспортировки был, конечно же, заранее оговорен: контейнер планировалось переправлять вертолетом «Ми-26». И экипаж, и вертолет уже зафрахтованы, естественно, за транзит контейнера через свою территорию и федеральный центр, и область получают деньги. Грузоподъемность «сарая» или «коровы», как его называют на жаргоне пилотов, как раз и составляла нужные двадцать тонн.

Покончив с бумагами, англичанин покинул кабинет ответственного чиновника и вышел на свежий воздух.

Внушительных габаритов машина, окрашенная в сине-бело-красные тона, уже стояла на бетонке, готовясь к ответственному заданию. Лопасти винта слегка прогибались под собственной тяжестью, и вертолет напоминал уснувшую огромную стрекозу. Контейнер, правда, был объемным, а потому его решили транспортировать на тросе – «внешней подвеске».

Дингли присутствовал и при доставке груза на аэродром – естественно, под охраной. Там же он познакомился с экипажем. Англичанин придирчиво, словно сканируя, взгляделся в лицо командира вертолета – крепкого седоватого мужика со шрамом на щеке. Будучи человеком вездливый, гость хотел быть уверенным в каждой мелочи.

Командир был одет в коричневую, выдавшую виды кожанку, под которой виднелась серо-голубая форменная рубашка. На ногах красовались громадные резиновые охотничьи сапоги с завернутыми голенищами. Такая обувь в здешних широтах часто практикуется, так как летать пилотам приходится в самые глухие уголки тайги, где полно и болот, и озер, и рек – больших и малых. Соответственно, и садиться приходится чаще всего не на бетон и асфальт...

– Как ваш аппарат, выдержит? – пожав руку, поинтересовался Дингли у того, кто должен был доставить его и груз в целости и сохранности.

– Что я могу сказать, – усмехнулся тот в усы, – дифирамбы петь можно до бесконечности...

– А все же? – сейчас британцу было важно услышать о вертолете от того, кто знает его до мелочей.

– Я вам так скажу: мнений можно услышать сколько угодно, – неторопливо проговорил собеседник, – но и критики вынуждены признать, что «Ми-26» – это единственное на сегодня транспортное средство, которое имеет огромное преимущество перед другими летательными аппаратами как по массе и габаритам перевозимого груза, так и по экономичности перевозок.

– А вы-то сами как считаете? – не успокаивался дотошный иностранец.

– Да посудите сами: вертикально поднять двадцать тонн, перенести на необходимое место и вертикально опустить! – развел руками вертолетчик. – Если «двадцать шестой» не берет груз, значит, уже никто не поможет. Да вот, кстати, когда в Афгане в горах падают транспортные вертолеты «СН-47» «Чинук», то снимать их американцы просят как раз наши «двадцать шестые».

– Ну и как?

– Пока жалоб не было! – включился в разговор еще один представитель экипажа. – С поставленной задачей справляемся.

Второй пилот на своем собственном опыте проверял эти аппараты в конце девяностых.

– ...Чечня стала первым настоящим боевым крещением, – рассказывал он внимательно слушающему британцу, – гоняли тогда «Ми-26» и в хвост и в гриву. Возили все: от людей до боеприпасов. Я так скажу: переоценить аппараты невозможно. Без них наши потери были бы тогда на порядок выше.

Дингли, кивая, слушал.

– Да, – предался пилот воспоминаниям, – вот ведь было время! Тогда в Чечне экипажи месяцами жили в кабине. Утром машину запустили, кофе попили, и вперед – целый день мотаются по площадкам, вечером зарулили, картошку на плитке поджарили, по сто граммов фронтальных – и спать, а завтра все сначала. И так месяцами без выходных и проходных!

Дингли покачал головой, думая о том, насколько загадочна русская душа. Ведь если гулять – то так, чтобы стекла летели направо и налево, а работать – до потери сознания...

– В ущелья мы заходили без сопровождения, – продолжал второй пилот, победоносно поглядывая на собеседника. – Вот, скажем, «Ми-24» не могут развернуться на сто восемьдесят градусов, а «двадцать шестой» – запросто. Этот все может!

Услышанное от непосредственных участников эксплуатации окончательно уверило англичанина в надежности винтокрылой машины. В приподнятом настроении Дингли отправился обедать. Уж ему-то с детства было известно, что главное – это порядок. Ну, а то, что он воспринимал его по-своему, было его личным делом.

Через некоторое время процесс подготовки к вылету был завершён, о чем британцу было незамедлительно сообщено.

– Можем лететь, – доложил пилот, – хоть через час. Мы готовы.

– Хорошо, спасибо, – кивнул британец, – но мне надо уладить еще кое-какие дела.

– В таком случае мы ждем команды, – пожал плечами представитель экипажа, – мы на месте, так что как только...

– Да-да, я сообщу вам. – Дингли медлил с вылетом, словно ожидал чего-то.

Аэропорт жил обычной для него трудовой жизнью. Садись и взлетали многочисленные самолеты разных авиалиний, лихо, словно бабочки, вспархивали в воздух легкокрылые «Аны», с глухим жужжанием поднимались вертикально вверх вертолеты.

Глава 6

Огромная река в окружении бесконечной тайги величаво несла свои воды. Она раскинулась широко, и в этой суровой величавости чувствовалась какая-то первозданная, дикая красота, которую часто даже не можешь оценить, находясь там, где цивилизация уже давно внесла свои коррективы.

Берег, что был поближе, отличался от противоположного. Если тот был низким, то этот выглядел внушительно. Сразу же из воды вырастали каменные кряжи, вертикально уходящие вверх, а на них раскинулось зеленое море тайги. Огромные деревья гордо возносились к небу. Иногда между каменными исполинами случались прогалы, и тогда берег спускался к воде, нарушая единство каменных глыб.

День был ветреный, и мешанина облаков с большой скоростью неслась на юго-запад, создавая все новые, мгновенно меняющиеся картинку над головой. Рваные куски облаков налетали друг на друга, исчезали, появлялись и снова пропадали.

По реке двигался губернаторский катер, уверенно разрезая воду и держа хороший, ровный ход. Впрочем, «катер» скорее был похож на пароход. И масштабы, и убранство, и мощность – все это никак не позволяло назвать его катером. Впрочем, как известно, дело не в названии...

Судно было выкрашено в белый цвет и смотрелось очень нарядно. Ничего удивительного – средства господина Пересветова позволили катеру стать одним из лучших на огромной реке. На него он денег не жалел. Внешний вид, интерьеры, каюты, техника – все было «на уровне», и даже более того, выполнено по последнему слову дизайна. Полновластный хозяин огромного региона должен был быть во всем первым. На палубе возвышался джип, который, похоже, в этом путешествии обязательно должен быть использован.

Широкий пенный след тянулся за судном. На ветру трепетал российский триколор.

Батяня стоял у борта, глядя на чудные таежные пейзажи, раскинувшиеся вокруг. Подобное зрелище могло бы подвигнуть любую впечатлительную душу на создание картины, стихотворения или чего-нибудь в этом роде. К сожалению или к счастью, таковых персонажей на судне не имелось. Здесь собрались люди с несколько иными наклонностями и интересами.

Все говорило о том, что на многие десятки километров вокруг нет ни единого человека. Отсутствие людей, как это обычно бывает, позволило здесь сохраниться огромному количеству рыбы и дичи. Картина первозданной природы сопровождала судно, идущее к четко намеченной цели.

Батяня глядел на всю эту роскошь, вспоминая о том, что именно в этих местах, по замыслу тех, кто когда-то руководил Союзом, ландшафты должны были измениться до неузнаваемости. По планам развития энергетики в СССР здесь планировали построить мощнейшую на то время в мире ГЭС. Образовавшееся море должно было слиться с громадным водохранилищем на еще одной великой сибирской реке, и из получившегося объединенного Сибирского моря вода пошла бы в Среднюю Азию. По расчетам ученых-придурков, дефицит воды в далеких азиатских песках должен был быть ликвидирован с помощью такого простого и действенного решения. В прессе уже рекламировались грандиозные превращения, но, к счастью, план так и не реализовали.

Батяня покачал головой, представив себе то, что на самом деле произошло бы здесь – появление невероятных размеров болота, исчезновение рыбы, изменение климата и прочие проблемы. Да, слава богу, что до этого не дошли руки!

Рядом с Лавровым на судне присутствовал и сержант Ломакин. Для него эта экскурсия оказалась еще большим сюрпризом, чем для командира. Батяня взял парня по нескольким причинам. Во-первых, Ломакин был как раз из этих мест. Во-вторых, он воспитывался не в

панельной многоэтажке. В-третьих, происходил из семьи потомственных охотников-сибиряков. Поговорив с ним, Батяня убедился, что флору, фауну и массу полезных вещей касательно здешней природы парень знал преотлично. А весьма немаловажным фактором к перечисленным было то, что Ломакин – парень честный и открытый.

Вполголоса переговариваясь с сержантом, Лавров интересовался самыми разными здешними «детальями».

– ...Ниже идут петляющие, медленные участки. Там полно окуня и щуки, – рассказывал сержант, – затем течение убыстряется; появляются перекаты, каменистые и песчаные косы. Здесь уже можно ловить сига, а на быстрынах – хариуса. Ну, понятно: таймень, ленок...

– Я вижу, ты это все основательно изучил, – одобрительно хлопнул его по плечу Батяня.

– А как же, товарищ майор! Я ведь с детства на реке да в тайге. А какие места на притоках!

Одна Самариха чего стоит, – с воодушевлением проговорил Ломакин, – тут их две – большая и малая.

– Малая, говоришь...

– Ну, малая – это только так называется. На самом деле река ого-го! Вот, видите, – указал Ломакин на карту, – здесь они сливаются, и дальше идет просто Самариха. Там река течет через каменные пороги, а вокруг высокие скалы.

– Так с рыбой, значит, все в порядке?

– Само собой! Таймени восемь – десять кило – обычное дело, есть и крупные рыбыны под двадцать килограмм, но такой трофей уже редкость...

Лавров кивал, слушая повествование сержанта. Вдруг его взгляд, скользивший по губернаторской свите, расположившейся неподалеку, остановился. В этой компании он узнал одного человека. Им был секретарь Пересветова. Еще в самом начале лицо его показалось Батяне знакомым, но тогда у него не было возможности присмотреться внимательнее.

Теперь же, при ярком солнечном свете, он узнал этого хлыщеватого спутника губернатора. Никита Любинский, бывший особист в то самое время, когда Лавров только начинал свою службу в Вооруженных силах.

Нельзя сказать, что Лавров с радостью признал в секретаре своего бывшего сослуживца. В армии у них был конфликт.

Как и каждый особист, в те далекие годы Любинский копытом рыл землю, чтобы оправдать свое ничегонеделание. Среди офицеров части он также особой любовью не пользовался. Но ничего не поделаешь – особистов не выбирают, как тогда выразился кто-то из товарищей Лаврова. И все бы ничего, если бы не одна история.

Батяня, будучи тогда еще лейтенантом, уличил Любинского в воровстве. Происшествие, связанное с исчезновением немалой суммы казенных денег, Любинскому удалось каким-то невероятным образом замять, и дело осталось нераскрытым. Сыграли роль должность особиста и его связи, которые помогли ему удержаться на плаву. Но тот в ответ уличил Батяню в том, что Лавров рассказывал анекдоты про КПСС. История вышла на редкость неприятная.

Далее судьба развела их по разным частям. Несмотря на тяжелую ситуацию в девяностые, Батяня не изменил армии. А вот Любинский, как слышал Лавров, уволился и пошел в гору. Теперь же с немалым изумлением майор увидел этого человека в совершенно неожиданном качестве.

– Что с вами, товарищ майор? – участливо поинтересовался Ломакин, видя, что Лавров безразлично поморщился и как-то дернул головой, глядя на «группу губернатора».

– Да так... – отмахнулся Лавров, не желая распространяться на малоприятную тему. – Так что ты там рассказывал про осетра?

Стоит ли говорить, что через несколько минут Любинский столкнулся лицом к лицу с Батяней. Надо отдать должное выдержке секретаря: сразу же узнав майора, он мгновенно сориентировался и, не выдав себя ничем, сделал вид, что впервые встречается с бравым офице-

ром-десантником. Лавров также не полез к нему с напоминанием о «знакомстве». И с губернатором, и с его свитой он был корректен, учтив, но не более, справедливо считая, что личное достоинство – превыше всего.

Этим несложным правилом Батяня всегда старался руководствоваться. Надо сказать, что сама жизнь демонстрировала правоту выбранного им пути...

Пересветову, уступая настойчивым просьбам, пришлось взять с собой и Жанну. Поначалу совместный вояж не входил в планы губернатора, но Жанна, с присущим ей напором, убедила взять ее с собой. Да и, с другой стороны, как рассудил Дмитрий Степанович, женское присутствие всегда вносит новые краски в серую жизнь. В обмен на свое согласие он предупредил подругу, чтобы вела она себя «в рамках». Зная характер Разумовой, стоило подстраховаться – во избежание разных неожиданностей.

Жанна вела себя на удивление тихо и скромно. Правда, оказавшись на судне, она сразу же обратила внимание на майора-десантника. Этот человек резко отличался от той компании, в которой она привыкла бывать. Мужественного вида майор держался со сдержанным достоинством, но в нем угадывалась сила и мощь. А ощущение некой таинственности притягивало Жанну. Несколько раз она заводила с ним разговоры и выяснила, что майор весьма эрудирован.

За время вояжа, в отличие от всей остальной губернаторской свиты, Батяня особо не напивался. Сержант Ломакин, несмотря на приглашения, не пил вообще. Во-первых, майор ни за что не позволил бы подобное, а во-вторых, и сам Ломакин к алкоголю относился безразлично. Старообрядческое воспитание – штука серьезная.

– Ну, что, скучаешь, майор? – подошел к стоявшему у борта Батяне губернатор.

– При такой красоте вокруг не заскучаешь, – в тон ему ответил Лавров.

– Да, это точно, – кивнул Пересветов, – тут я с тобой полностью согласен.

Он с видом собственника обвел глазами пейзажи. Корабль сопровождали крупные чайки – теперь они становились их постоянными спутниками.

– Иногда вот так подумаешь – мать честная, какие возможности вокруг! Вот, к примеру, бываешь где-то в Европе: ведь земли у них с гилькин нос, ютятся на каких-то крошечных участках, или как те же голландцы – у моря землю отвоевывают. А у нас – простор! Десятки километров вокруг – и никого. Ну, разве какие охотники встретятся. Вот потому-то здесь мы и воплотим грандиозный замысел. Ты хоть слышал о плане?

– Так, в общих чертах, – ответил Батяня.

Он ни о чем не расспрашивал губернатора, полагая, что, если надо будет – тот сам расскажет, что и к чему.

– В общих... – приосанился Пересветов. – Скоро тут такое начнется! Край просто вздрогнет от последствий реализации этого проекта. Сколько трудов мне стоило пробить этот проект! Нет, желающих и у нас, и в других областях хоть отбавляй, но все-таки я вырвал этот проект! Никто еще не представляет себе, как здесь можно будет развернуться.

Батяня и правда не представлял себе этого, да и особого желания на этот счет у него не имелось. А по поводу «вздрогнет» – край уже давно колотило от результатов бурной деятельности Пересветова на посту губернатора.

– Маяковского помнишь? – блеснул эрудицией Дмитрий Степанович. – Как там говорил великий пролетарский поэт: «Здесь будет город-сад» – так вот это о нас. Это я, Пересветов, говорю!

Соскучившийся по свежему собеседнику губернатор принялся расписывать все те радостные перспективы, которые должны открыться в случае реализации его задумок. Сейчас он пребывал в приподнятом настроении, и Батяня был вынужден покориться неизбежному.

– ...Ты только представь, майор, какие перспективы открываются для всех нас! – с жаром говорил высокопоставленный собеседник. – Для малого бизнеса, к примеру, складываются все условия. Здесь же появляется огромное поле для деятельности. Игроков нужно доставить, раз-

местить, и, как бы они ни были увлечены игрой, поесть им рано или поздно захочется. Их нужно и кормить, и утешать, если они проигрались, – философствовал губернатор.

Дмитрий Степанович всей душой радел за процветание и благополучие родного края и был готов отдать последнюю рубашку для его блага. В тот момент, когда он сделал маленькую паузу для того, чтобы глотнуть воздуха, из-за его спины возникла Жанна.

– Что это вы без меня тут обсуждаете? – игриво поинтересовалась она. – Уж не девочек ли?

Разумова сегодня выглядела прекрасно. Она пребывала в отличном настроении.

– Да каких девочек? У тебя только одно на уме! – поморщился губернатор.

– Дмитрий Степанович говорит о будущем края, – сказал Лавров, – о великолепных перспективах.

– Понятно... – Жанна пристально смотрела на Батяню. На ее губах играла улыбка.

Пересветов снова «пошел в атаку». У Батяни складывалось впечатление, что он присутствует на каком-то семинаре по развитию игорного бизнеса. Мысленно майор поблагодарил Создателя, что тот направил его жизненный путь совсем в другие сферы.

– ... Конечно, создавая такой комплекс, за образец берут Лас-Вегас. Оно и понятно – зачем велосипед изобретать? Так вот, ты посмотри, майор, что он собой представляет. Его благополучие основывается на трех китах: игра, рестораны и развлечения, – продолжал рассуждения Дмитрий Степанович.

Губернатор вошел в раж и размахивал руками, словно сигнальщик, передающий какие-то знаки.

– Главная достопримечательность Лас-Вегаса – это, естественно, казино. Они в каждом отеле и открыты для посещения двадцать четыре часа в сутки. Здесь к услугам посетителей – бары, ночные клубы, рестораны. Ты можешь выпить и перекусить, не вставая из-за игорного стола. Все подчинено одной цели – заставить клиента остаться как можно дольше и играть как можно больше. Площадь не такая уж и большая – чуть больше двух квадратных миль, а там сосредоточено не менее семнадцати тысяч казино, – губернатор сделал паузу, подняв толстый указательный палец, – игорных домов, ипподромов и других мест, где можно попытать удачу. А результат, как говорится, превосходит все ожидания: двадцать пять миллионов посетителей ежегодно.

– А мы здесь примем пятьдесят, – хихикнула Разумова.

Ее быстро начали утомлять все эти цифры и прочая дребедень. Она убрала со лба разбросанные ветром волосы и, покусывая губы, продолжала пялиться на Лаврова. Губернатор поморщился.

– Ну, а главное развлечение там какое – конечно, азартные игры. Причем ведь продумано так, чтобы в них играли повсюду.

– То есть? – прищурился Батяня.

Не сказать чтобы ему этот разговор был интересен, однако для приличия беседу стоило поддерживать.

– Я же не так давно там был и лично наблюдал, что к чему, – сообщил Пересветов. – Огромные залы! Автоматы, рулетка, покер, спортивные ставки – но это лишь малая часть того, что есть в городе. Рай для игроков начинается сразу при выходе из самолета – «однорукие бандиты» стоят везде: и у схода с трапа, и у стойки получения багажа. Ничего, у нас тоже все будет на уровне, – с жаром говорил губернатор, – и танцующие фонтаны, и «гибель Атлантиды», и праздник Бахуса, и сибирская экзотика.

Губернатор, наверное, долго распространялся бы по поводу своего детища, но зазвонивший телефон оторвал его от дальнейшего живописания красот будущего райского местечка. Лавров и Разумова остались вдвоем.

– Не утомил вас Пересветов своими прожеками? Не знаю, как вы, а я просто заскучала от всех этих расчетов, цифр, задумок.

– У каждого свои планы, – уклончиво ответил Лавров.

– Ну, что вы сами думаете по поводу проекта? – спросила она. – Удастся такое воздвигнуть?

– Вряд ли приходится рассчитывать на такое количество посетителей, как во всемирном центре, – пряча улыбку, сказал Лавров, – а в целом, почему бы и нет? Ежели имеются средства и возможности, то все реально.

– У Дмитрия Степановича такие возможности есть...

– В таком случае ему и карты в руки, – улыбнулся Батяня.

– А вы непростой человек, майор, – протянула Жанна, – есть в вас какая-то загадка, тайна.

– Странно, – хмыкнул Батяня, – а мне всегда казалось, что я прост и скучен. Что во мне может быть интересного? Офицер, служака.

– Э-э, нет, не скажите. Кстати, загадка в мужчине всегда влечет женщин как магнитом, – сообщила Разумова.

– А вас?

– Может быть, и меня...

К Лаврову подошел сержант.

– Смотрите, товарищ майор, – кивнул Ломакин.

– В чем дело? – повернулся тот.

– А вот скопа летит, – указал сержант вперед и вверх.

Большой пернатый хищник лениво летел, покачивая огромными крыльями. Казалось, ничто его не интересует. Однако вдруг на мгновение птица замерла на месте и, сложив крылья, камнем упала вниз, у самой воды далеко вперед выбросив вперед свои лапы. Раздался громкий всплеск. Еще секунда – и хищник, шумно хлопая крыльями, поднялся в воздух. В его когтях трепетал большой хариус.

– Впечатляет, – заключил майор, – мощная птичка.

Тем временем катер причаливал к берегу. Неподалеку имелась одна из заброшенных военных баз.

Лавров недоумевал по поводу интереса губернатора к столь труднодоступному участку. Гораздо легче было бы построить игровую зону в месте попроще, благо, таких было пруд пруди. Однако Пересветов был настойчив – пускай и не для игровой зоны, но ему надо осмотреть и эту базу. Хозяин, по его словам, «должен знать все, что у него дома творится».

Батяня, недолго думая, на всякий случай еще раз связался с комполка. Как и следовало ожидать, полномочия губернатора и Лаврова были еще раз подтверждены. Лавров услышал о том, что в настоящее время он должен выполнять распоряжения Пересветова. И майору не оставалось ничего другого, как выполнять приказы вышестоящего начальства.

Осмотр заброшенного объекта было решено отложить до завтра.

– Вот с утра и отправимся, – решил губернатор, – а пока что устроим отдых.

На берег выгружались складные столы, кресла, всякая снедь. Батяня только покачал головой, глядя на количество провизии, которой, наверное, можно было накормить роту. Яркие упаковки, цветные коробки, ящики со спиртным руками губернаторской свиты переносились на стоянку.

* * *

Место, где остановился на стоянку катер губернатора, было очень удобным. Здесь, в районе слияния двух рек, находилась тихая заводь, или «гавань», как назвал ее Пересветов. Вдаваясь здесь в сушу, вода вымыла уютную подковообразную бухточку.

– Ну что, будем готовить шашлычки? – хлопнул в ладони Любинский. – Такое мясо у нас...

– Шашлык от нас не убежит, – заявил губернатор. – Рыбалка прежде всего. Без ухи я за стол не сяду.

Все разбрелись кто куда. Любинский и еще один любитель пострелять отправились с ружьями в тайгу, несмотря на то, что для охотничьего сезона было далековато. Батяня с сержантом двинулись в сторону возвышавшейся скалы в форме гриба.

– То, что надо! – уверенно произнес Ломакин, встав на большой плоский камень и указывая вперед.

При слиянии двух водных потоков, чуть выше по течению меньшей реки собрался огромный так называемый наносник, созданный сотнями деревьев, смытых с берегов весенним паводком. Стволы, громоздясь один на другой, так переплелись между собою, что невозможно было угадать, какому какой вершина принадлежит. Некоторые деревья стояли вверх корнями, другие наполовину замыл песок.

– Видите, товарищ майор? Вон там то и дело всплескивается рыба? Это хариусы, – сообщил опытный сержант-сибиряк, – они любят держаться здесь, в наносниках, на быстринах да перекатах.

Кормясь насекомыми и различными личинками, рыба выскакивала на поверхность воды и мгновенно исчезала. С подачи Ломакина рыбачили на «обманки». Тот сконструировал их из подручных средств – пройдясь по лесу, нашел недостающие детали. «Обманка» была сделана очень просто: маленькие крючочки от изгиба к жалу сержант обмотал красной ниткой с вплетенными шерстинками, а в конце изгиба имелись два цветных перышка местной птицы кедровки. В результате получилось подобие мушки. Подхваченная водой и удерживаемая тонкой леской, мушка играла на воде, как живая. Река была чистой и холодной, и в омутах стояли хариусы и ленки, заметные даже невооруженным глазом.

– Давненько я не брал в руки шашек... – поплевал в ладони Батяня. – Начнем, пожалуй.

Он сделал несколько забросов. Зашумела катушка, и блесна, описывая полудугу, падала в воду то вверх по течению, то у противоположной скалы. Вдруг Батяня ощутил рывок. Он подсек и увидел, как у края омута, взбивая пену, вывернулся крупный таймень. Сопротивляясь, рыба еще пару раз появилась на поверхности, а затем рванулась вперед. Удилище с трудом сдерживало натяжение и могло вот-вот треснуть или разлететься на части. Мощными ударами хвоста рыба поднимала брызги. При попытках тайменя уйти в глубину Батяня выводил рыбу на поверхность, но она не сдавалась.

– А мы вот так! – прокомментировал майор, ослабляя тормоз катушки.

Через каждые пять метров таймень выскакивал из воды, в бешенстве мотая головой, а потом уходил ниже и ниже. Леска на катушке размоталась почти вся и вдруг ослабла. Батяня мгновенно крутанул катушку, и рыба стала подаваться за леской. Таймень растопырил плавники и, бороздя ими воду, неохотно тащился вверх по течению. Еще минута страшного напряжения – и он опять ожил. Снова всколыхнулась вода. Рыба металась то в одну, то в другую сторону, била хвостом. Лавров начал пятиться от воды, постепенно вытягивая рыбину на берег. Ей это явно не нравилось, но вот из воды появилась крупная черная голова с выпученными глазами и вновь скрылась в волнах.

– Тащите, товарищ майор, уйдет! – вдруг послышался голос Ломакина. Он побежал к краю скалы, продолжая кричать: – Уйдет, ей-богу, уйдет!

– Ничего, сержант, – ухмыльнулся Батяня, – мы тоже люди терпеливые.

Борьба продолжалась еще несколько минут. Майор взмок, но наконец рыба выбилась из сил. Она поворачивалась кверху брюхом, всплывала на поверхность, вяло работала плавниками, а вскоре Батяня без усилий подвел ее к берегу.

– Ну и ротище! – пощелкал языком сержант, заглядывая под скалу. – Да ведь она с икрой!

В этот момент таймень вывернулся и метнулся в глубину. Лавров машинально схватил руками леску и все же вытащил огромную рыбину на берег.

– Ну что же, неплохо, я думаю, для начала, – удовлетворенно заявил он, глядя на беспомощно трепыхавшегося тайменя.

Губернатор ловил самозабвенно. Правда, ловлей это можно было назвать с натяжкой – крики и гогот «поддавшего» чиновника слышались далеко вокруг. Одна из попыток заброса оказалась неудачной, и тройник зацепился за камень. По какой-то необъяснимой прихоти жертвовать крючком Пересветов не захотел – пришлось нырять. Естественно, нырять не Дмитрий Степанович, а один из его «младших товарищей».

Тройник ему так и не удалось отцепить. В быстром потоке было холодно, и долго находиться в воде не было никакой возможности – сводило ноги и руки. В воду отправился еще один «водолаз», и также безрезультатно, впрочем, не совсем – он появился на берегу с тройником, но уже вонзившимся в его большой палец правой руки. Физиономию скривила гримаса боли.

– Вот молодежь пошла! – покачал головой Пересветов. – Ничего сами сделать не могут. Что ж ты так, Витюша?

С Витюши слетела вся его самоуверенность, и он выглядел беспомощным и жалким. Шутки шутками, а самостоятельно избавиться от коварного предмета жертва была не в состоянии. Тройник насквозь пронзил палец, и непонятно было, как его оттуда вынуть в походных условиях. За дело взялся один из более опытных рыбаков. В дело пошла аптечка. Шприц, новокаин, скальпель – и небольшая операция закончилась извлечением тройника, затем палец забинтовали. Далее жертва опустошила граненый стакан сорокаградусной жидкости «для снятия стресса и болевого шока» и несколько успокоилась.

Рыбалка заняла часа два. Все возвратились к стоянке с разными результатами, но довольные. Уху из хариуса и ленка вызвался готовить Ломакин. Склонившись, он колдовал над казаном, добавляя в кипящее варево то пряность, то пучок зелени, поводя носом, как заправский повар.

– Ну что, сержант? – щелкнул пальцами Пересветов. – Когда мы попробуем твой кулинарный шедевр? Не знаю, как остальные, но я уже порядочно проголодался.

– Скоро готова будет, – сказал, пробуя уху, Ломакин, – теперь накрываем крышкой и даем дойти еще немного.

В самом конце процесса, когда казан уже был снят с огня, Ломакин загасил в казане тлеющее с углями березовое полено, вытащив его через несколько минут.

– Уха получается вкуснее, – пояснил он.

– Сейчас увидим, – потер руки Дмитрий Степанович, – оценим твои таланты по достоинству. Если не понравится, я тебе не завидую, – ухмыльнулся он.

Все собрались около костра и стали с нетерпением поглядывать на кипящее варево, с трудом сдерживая обильное слюновыделение. Снять пробу, конечно же, вызвался губернатор. Взяв ложку, он зачерпнул подернутое тончайшей пленкой жира варево, подул и, причмокивая, закатил глаза к небу.

Все, а особенно Ломакин, следили за реакцией Пересветова.

– Ну, что скажете, Дмитрий Степанович?

– Годится, – прервал молчание губернатор, одобрительно кивнув.

Банкет начался.

– Ну что ж, господа, предлагаю первый тост за удачное начало нашего путешествия, – провозгласил губернатор, – и за то, чтобы его результаты полностью себя оправдали.

Зазвенели стеклянные емкости, и их содержимое отправилось в глотки. На стол был водружен казан с приготовленной Ломакиным ухой.

– Дивный запах, – потянул носом Пересветов.

Уха и вправду оказалась великолепной. Все ели и нахваливали блюдо и повара.

– Да, сержант, тебе не десантником надо быть. Давай я тебя у твоего начальства выпрошу и возьму к себе, – ухмыльнулся Пересветов, – будешь жить, как у Христа за пазухой.

Он обвел рукой вокруг, указывая на своих «сотрудников», которые явно не были обделены судьбою. Ломакин неловко пожал плечами, и тогда голос подал Батяня:

– Ничего, Дмитрий Степанович, ему и в войсках неплохо.

– Ах, майор, – шутливо погрозил пальцем Пересветов, – ты своего не упустишь. Лучшие бойцы и кулинары только у тебя!

– Иначе нельзя, – полушутя-полусерьезно ответил Лавров.

Гулянка продолжалась. Батяня наблюдал, как по мере принятия все новых доз спиртного личность губернатора предстает во всей своей красе. Тот брызгал слюною, матерился и разглагольствовал о своей значимости для региона в частности и страны в общем. Слушая его пьяные речи, можно было подумать, что господин Пересветов – одна из наиболее ценных фигур на политическом небосклоне страны.

– А я тебе говорю, майор, что губернатор – это царь, бог и воинский начальник на вверенной ему, то есть мне, территории! – кричал Пересветов, наклоняясь к Батяне и размахивая вилкой. – Все здесь вокруг – мое! Что захочу, то и сделаю.

Он опрокинул очередную рюмку, и его лицо приобрело багровый цвет.

– Дорогой, я пойду прилягу, – наклонилась к губернаторскому уху Разумова.

– Что такое? – скривился Пересветов. – Компания не нравится?

– Нет, ну что ты, – устало улынулась Жанна, – просто я что-то совсем плохо себя чувствую.

– Это все от переизбытка кислорода, – заключил губернатор, – привыкли, понимаешь, сидеть в каменных джунглях, а как выбираются на природу, так плохо становится. Ладно, иди. Сама-то доберешься?

– Конечно, – стройная фигура Разумовой скользнула на фоне костра и направилась к катеру.

Тем временем пьянка превратилась в совсем уж малоприятное зрелище. Перепившая компания под предводительством господина Пересветова постепенно теряла чувство меры. Дикая хохот, обрывки песен, перемежавшиеся руганью, слышались далеко окрест.

– Майор, ты десантник или нет? – пьяно бормотал губернатор.

– Десантник, десантник. – Лаврову хотелось послать этого зажавшегося персонажа куда подальше, но приходилось сдерживаться.

– Ты мне сразу понравился... я десантников ува-уважаю, – икнул Дмитрий Степанович.

Смотреть на этот разгул уже не было никаких сил, и через некоторое время Батяня решил испариться. Видя, что представилась возможность исчезнуть по-английски, майор привстал и, сделав шаг назад, в темноту, двинулся к берегу, стараясь не привлекать к себе внимания.

Отойдя немного в сторону, он оглянулся. Огромный костер полыхал, освещая толстые ели, под которыми восседали участники пикника. В этом укромном месте дым не рассеивался ветром, а клубился вокруг. Густой пеленой он прикрывал лагерь и медленно поднимался вверх. Стволы елей, словно гигантские колонны, подпирали нависший дымчатый свод. Тени людей, причудливо изламываясь, металась в бликах, которые отбрасывал костер, а отдалявшиеся пьяные голоса казались чем-то инородным здесь, на берегу реки, в ночной тайге.

Глава 7

Окна огромного кабинета, обставленного с холодной офисной роскошью, выходили на одну из самых узнаваемых московских улиц. Вкус и, что немаловажно, материальные возможности хозяина здесь чувствовались во всем. Светлая, удачно подобранная мебель – кожаные диван, кресла, огромный серебристый телевизор на изящной стеклянной тумбе, картины в стильных рамах с видами старой Москвы – все это безупречно гармонировало с обоями, выполненными в виде каменной облицовки. Одним из главных атрибутов в кабинете было огромное кресло, напоминавшее трон во дворце какого-то средневекового монарха.

У окна возвышался стол в четверть аэродромного поля. На нем, кроме компьютера и сложной телефонной системы, стоял макет игровой зоны – будущего городка «с бухлом и казино», эдакого острова расслабухи посередине сибирской тайги.

Модель была выполнена из цветной пластмассы и выглядела весьма впечатляюще. При строительстве игровой зоны кроме подведения дорог планировалось осуществить эксклюзивные проекты и дизайнерские решения казино, гостиничных комплексов и ресторанов. По плану здесь должен был кататься монорельсовый трамвай, должны были возникнуть искусственные озера... Полюсами зоны станут два игорных комплекса – «Север» и «Юг», рядом разместится комплекс в виде двух башен, соединенных кольцевым переходом на уровне седьмого этажа.

Здания, явно не обделенные фантазией архитектора, создавали разновысотную картину. Река, водоемы, мостики делали местность еще более привлекательной. На проекте можно было рассмотреть какие-то дорожки, платные парковки, цветочные клумбы, группы деревьев, прихотливо разбросанные рукой дизайнера, – каждая деталь должна была улучшить место выколачивания денег из трудового населения. Гостиничный комплекс был в виде изогнутых, ступенчато поднимающихся зданий от трех до двенадцати этажей. На противоположном берегу водоема размещались другие, не менее впечатляющие внешне сооружения. Центром всего ансамбля было здание в форме распустившегося цветка – административно-деловой центр в тридцать восемь этажей. Светомузыкальные фонтаны, каскады водопадов – короче говоря, архитекторы постарались на славу.

Лютый враг губернатора Пересветова, президент «ВСК-банка» Владимир Корнев, как обычно, в это время пребывал в своем кабинете на рабочем месте. Пожалуй, многие миллионы жителей Российской Федерации позавидовали бы такому рабочему месту. Действительно, жизнь господина Корнева во многих ее проявлениях была для большинства россиян вершиной мечтаний. Но Корнев вовсе не считал себя человеком, достигнувшим вершины и своих возможностей, а главное – желаний. У него, как он считал, все было впереди. Но для этого нужно работать, работать. И еще раз работать, как говаривал он сам, перефразируя известное изречение вождя революции.

Бог не обделил Корнева ни умом, ни работоспособностью. Все, чего достиг он, было результатом только собственных усилий. Он родился в семье, где родители не могли обеспечить сына ничем, кроме дешевой одежды и скудного питания. Оба – и мать, и папаша – любили крепко выпить. Володя же с юного возраста отличался серьезностью не по годам. Трезвое отношение к реальности подкреплялось в нем жадной вырваться из той жизни, в которой проходили его ранние годы, он стремился к совершенно другим высотам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.